

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR

DARK IMPERIUM

EDITED BY MARC GAGNON AND ANDY JONES

WARHAMMER[®]
40,000
NOVEL

Robert Earl

Ангелы

Это случилось почти сорок лет назад, но я еще помню. Иногда, правда, вспоминая

жело. В теплых лучах летнего солнца или в

чаду таверны, в окружении знакомых лиц, это

кажется лишь сном или старицкой байкой, ставшей почти реальной от

рассказов.

Но когда прошлой зимой пришли волки, все было ясным, как летнее небо над полями.

И когда Мари лежала при первых родах, на

также была тем единственным, что не

дало

тне застыть в страхе.

Когда это случилось, Пастернак был темнее, чем сейчас, куда темнее. К северу от

реч

ки ничего не было, кроме тени тельницы,

а

все домики и даже мастерские были
надежно

спрятаны за частоколом. Они кучковались
и

поляны, задами к тирю, но между их
крепки

ти фасадами ты могли видеть битвы
между

верхушками дальних деревьев и ветром.

Сам частокол был всегда выше. Так было
надо, потому что нас всегда волновали
куда

худшие вещи, чем цены на урожай. Импе-
тор, да защитят Его боги, всегда еще не
начал

вычищать лес. А лес был близок.

Время от времени, лежа в кроватях, ты
слышали крики, разносившиеся во тьме
ночи, дикие крики, не человеческие и не
животные.

Когда на них стало невозможно не

обращать
внимания, совет и остальные люди
встрети-
лись на поляне.

Там, среди уютных запахов дыма,
похлебки
и навоза, они пили и спорили день или где-
то

так. Потом они решили сделать то, что
реша-

ли сделать всегда -- послать патруль. Но
но

сылали всегда при свете дня и без особого
желания. Иногда патрули возвращались с
триумфом, неся с собой тушки кроликов
или

даже оленя, но в основном они просто
возвраща-
щались в спешке.

Они были глупцами, что не стали искать
врага, прежде чем тот нашел нас, но я не
могу

их за это винить. Кто из нас не предпочел

бы
натянутъ одяло на голову и надеяться на
луч
шее?

Однажды осеню тень леса выросла. Слухи
бежали по узким дорогам и
стремительным
рекам, слухи о северном колдовстве и
прячущихся новых приверженцах ужасного искус-
ства.

Один из тощих призракоподобных следо-
пытков, что изредка брали по дороге в
город, остановился в деревне на
достаточное время, чтобы перепугать нас
всех. Он рассказал ис-
торию об огнях в небе, огромных огненных
вспышках, способных соперничать с север-
ним сиянием, о деревнях, найденных таин-
ственно заброшенными и преданными
огню, об ужасных раздвоенных следах
двуногого
существа на остывающем пепле.

После его ухода, все говорили друг другу,
что он был безумцем или лжецом, и что
чего

еще можно ожидать от следопыта? Но
даже я
заметил, что после ухода этого человека
на

патрульные держались ближе к дому и еще
чаще

прикрывали глаза на что-либо. Они даже
не

престали отшучиваться. Потом, когда
убили

Малленса, патрули из Пастернака во все
пере

стали отправляться.

Малленс был старым покрытым
шрамами

быком в обличье человека. Он прибыл в ге-
ревню за два года до этого, все еще в
златан-

ной форме алебардщика, и, думаю, ты с-
брал

том лишь чутъ большие боялись его, че
наши
родители.

Даже ольдермен Фаузер потерял дар
речи, когда старый вояка крепко, до
победения съ
ставов, сжал его руку и позволил гвум
тощ
ным боевым письмом, составлявшим все его
иму
щество, обнюхать штаны нового соседа.
Несмотря на свои странные манеры и юж
ний акцент, Малленс скоро стал
известным в
Пастернаке. Его гончие притаскивали
множе
ство диких кабанов, которых он позволял
же
ритъ для всей деревни в обмен на то,
чтобы
нажратъся пива. Когда такие пиршества
за
канчивались и тихо дотлевали угольки

костра, он наполнял наше воображение
будоражающи

ти кровь рассказами о смерти и славе из
тех

времен, когда он служил в великом войске
Императора.

Еще более радостным было то обстоятель-
ство, что он нанимал любого, кому нужны
были деньги. Километра за три к западу
от

деревни лежал древний полустанок с парой
запущенных полей, который Малленс выкуп-
ил себе на пенсию. Поскольку он всегда
спрашивал совета у деревенских, равно как
и

платил им сыновьям за помощь, вся
деревня

гордилась тем, как Малленс перестроил
рас

крошившиеся каменные стены сторожки и
расчистил землю, на которой та стояла.

К нему настолько привязались, что когда
старый солдат не появлялся в деревне

целых

две недели, патруль почти охотно
отправился

постмотреть, не случилось ли с ним чего.

Хотя тогда я был юнцом, я никогда не
забы

ду угрюмое молчание по их возвращении к
семьям и шок, что въелся в них, словно
запах

дыма. И вид, и звуки, издаваемые
Густавом

Кузнецом, железоликим и железоруким, ко
гда он закашлялся и темнулся в свою
хидару.

Я пытался убедить себя, что стоны и
рыдания, которые ты слышали, исходили
от жены куз

неца. Мысль о том, что крепчайший
человек

сломался, была слишком уж сбивающей с
тол

ку.

Ни один человек из тех, что пошли на фер

ту Малленса, а позже сожгли ее дома,
нико

гда не рассказывал о том, что же они там
на

шли. Ныне, все похороненные в святой
земле

у деревенского святилища, они и не расска-
жут. Но за годы я ухитрился собрать
вместе

все отрывки тех бесед и речи
тямлящих

пьяниц, которых быстро затыкали
товарищи.

Я могу сказать немного, но и этого
достаточ-

но, чтобы подкинуть парочку мыслей, что-
за

кровавый кошмар обнаружили эти люди.

Я знаю, что, среди прочего, они нашли
Малленса на ферме -- ну или то, что от-
него

осталось. Его обглодали до костей, но
даже

упав, он не выпустил оружия. Пальцы скелета

намертво сжали древко окровавленного копья. Даже сейчас, картина наполняет меня

челюстей боязливого удивления.

Его собак нашли лежащими с обеих сторон от него. Их разорванные и искореженные тру

пы несли свидетельства отчаянного сопротивления, оказанного псами. Они погибли, как и жили -- смелые и верные. Немногие люди могут надеяться на такую эпиграфию, и

тво глаза до сих пор застилают слезы, когда я

вспоминаю об этих славных животных.

И не было почти никаких следов нападавших, совершивших такое отвратительное зло

действие. Несколько костей, пара покрытых тру

хами бурых пятен на каменных стенах и

раз
ломанная деревянная дверь. Казалось, что
их

плоть была столь же сладка для их
товарищей, как и любая другая.

Узнать о таком из первых рук словно
войти

в оживший кошмар -- и хотя это
покажется

извращением, я благодарю богов за это.

Уже

са на ферме Талленса было достаточно,
что

бы наконец-то довести всю деревню до
бессо

ницы. Стало уже невозможным и дальше
не

обращать внимания на опасность, и наши
жизни изменились и перестроились за
одну

ночь.

На следующее утро на поляне была сходка.
Никто не пил. Единственный спор

произошел, когда фрау Хенниг, мать
нашего молодого
кузнеца, попыталась отговорить его от
того, чтобы выезжаться добровольцем
ехать в бли
жайший имперский город за помощью и
солн
датами. Но отец Гультара пресек ее
слезы и
возражения с вылом, граничащим с
яростью.
По-моему, он гордился храбростью сына и
не
хотел отказывать ему в возможности
показать
ее. Через несколько коротких недель эта
гор
дость начала превращаться в едкую смесь
гор
речи и сожаления. Подпитываемая
хлебной
водкой и ворчашей женой, она, в конце кон
цов, и убила его.

Конечно, ты этого не знали, когда смотрели на прощающихся тем солнечным утром

отца и сына. Они были вместе и в живых по

следний раз на этом свете, и, возможно, чуб

смвя это, они пожали друг другу руки, как

равные, даже как друзья, в первый раз. Гульмар Хенниг никогда не вернулся, но, по крайней мере, умер взрослым.

Пока стук копыт одолженной лошади күз неца замухал вдали, ты стояли в долгой и торжественной тишине, нарушающейся только

лишь всхлипываниями обезумевшей от горя

и неутешной матери мальчика. Потом разго

релся спор, и ты совершили нечто невероятное, безумное. Было решено сделать

непред

ставимое.

Мы бросили урожай.

Пшеница твой осенью была оставлена
зреть, а потом и сохнуть, за частоколом,
пиршество

лишь для кишащих всюду птиц
на

разитов. Пока наша золотая кровь
прогнивала

ла, возвращаясь в землю, целая деревня
рабо

тала на грани срыва. Огромное
телльничное

колесо было снято с места и выкачено
во

рота, оставив голую заплату на неровно
сло

женной каменной стене. Тельник Карстен
сам командовал этим актом
необходимого

вандализма, командовал со сдавленными
вскриками и дрожащими руками. Когда он

прыгал вокруг, он наполнил мне, несмотря на свои толстые щеки и лысую голову, курицу, потерявшую цыплят. Даже в том возрасте, я, впрочем, догадался оставить это сравнение

при себе, к тому же, у меня было личное горе

-- ты с братом больше не могли использовать

огромное деревянное колесо, как нашу личную лестницу через стену в деревню.

Большую часть работы проделали в лесу, где ваили деревья, чтобы укрепить частокол.

Тогда мне уже запретили выходить из дерев

ни, как и другим детям, но даже оттуда я мог

слышать сухие удары топоров, вгрызавшихся

в древесину, и внезапные резкие звуки падающих деревьев. На следующие несколько недель, звук, издаваемый людьми, прогрызаю

щимися сквозь лес от окраины, стал
постоян-
ным риттом, в котором ты все жили.
Междуд тем, матъ Гультара Хеннигса
нача-
ла постоянно стоять у перил, словно в
наком-
то болезненно отчаянном дозоре. Она без
толбно стояла над бурной активностью в
деви-
ревне, сухощавая и похожая на ворону в
своем
развеивающемся от ветра черном плаще.
Она
наконец нарушила свое толчание через
три
дня, пронзительным криком, который всех
нас пригнал к стене. Твои глаза
проследили за
направлением, которое она указывала
дрожа-
щей рукой, на восток, и я увидел...
Там не было ничего особого, всего лишь

оранжевые всполохи на горизонте. Через скрюченные лапы черного леса, далекие огни

даже казались ютными. Платя пытался где-

то в направлении Грюнвельдта, километров

за пятьдесят, и я вслух поинтересовался, до

вольно невинно и беззлобно, не пожар ли там

у них.

Я повернулся к своему отцу, чтобы спросить его об этом, но промолчал, увидев выра

жение безмолвного и злого облегчения на его

лице. На балконе «похолодало», и я вернулся

в кровать, стущенный и испуганный. Насле

дующий день мы начали работать еще быстрее.

У меня особо не было времени, чтобы размышлять над странным поворотом, который принял наша жизнь, что, пожалуй, было и к лучшему. Твои дни были заполнены очисткой и раскладыванием перьев для растущих соков стрел или верчением точильного камня с той скоростью, при которой я избегал гнева кузнеца Густава. Единственныши передышка эти были неожиданные поручения или же, ктоему отвращению, выполнение женской работы -- мытье маскировки деревни. Даже несмотря на тяжесть работы, я по мню, что наслаждался ей, из-за всей той визны, привнесенной возбуждением и пани

кой, которая была прекрасной игрой для
меня

кого ребенка, каким я был тогда, хоть и
игрой

нелегкой. Я не мог взять в толк, почему
все

такие трачные и в плохом настроении.

Даже

пивовар Станислав, обычно самый веселый
и

уж точно самый краснолицый человек в де-
ревне, рявкнул на меня, когда я споткнулся
о

связку обручей, которую он тащил от
кузне-

ца.

Затем пришла ночь, и, когда зима сжала
свою ледянью хватку на Пастернаке и его
окрестностях, вот тогда я понял.

В серо-стальной час перед рассветом меня
вырвал из сна звук человеческого крика, ни
как не прекращавшегося. Я выбрался из кро-
вати, которую делил с братом, все еще не

про
снувшись окончательно, чтобы
действитель но встревожиться, когда твой отец
ворвался в
комнату полуодетый и с безумным взором.
Даже в сумраке я увидел, что костяшки
его
пальцев побелели, настолько крепко он
сжимал
тил косу, столь острой и сияющую в том
то
ммент, какой она никогда не была. Он
крикнул
нам с братом отправляться обратно в
постель, но скрытый ужас в его голосе
притормозил
меня к тестю. Я никогда не слышал ничего
подобного.

Когда твой отец выбежал наружу, я увидел
других деревенских, несущихся к северной
стене в свете факелов. Ольдермен Фаузер
уже

был на верху частокола с полудюжиной дру-
гих людей, и кротко телному впереди.

Мне

было одинаково странно как услышать не
пристойные ругательства, издаваемые
оль

дерменом, так и увидеть кровь на его
вилах, когда он выдернул их из одной из
теней. Мой

отец ступил на нижнюю ступеньку
лестницы, когда он остановился,
развернулся и проорал
предостережение.

Через южную стену с отверзительными
хри

пами и визгами катилась волна темных
бес

форменных созданий. Они карабкались по
скатам крыш и просачивались в щели в
стене

нах, как бурлящая масса горгулий, пробу-
женная к жизни бледной луной. Когда они
добрались до освещенного святилища на по-

ляне в деревне, я почувствовал себя ничтожным, увидев их.

Твари были терзкой стесью людей и животных, ужасно сплавленных и слитых воеди-

но. Но их уродства не ослабляли их, напротив, они словно придавали им неестественную силу.

Их одежда была похожа на изодранные полоски, но когти, щелкающие на концах их

лап, были достаточно остры и блестящи, что

бы заставить меня застыть, а той крик -- не

вылететь из раскрытоего рта.

Мельник, так же как и я, стоявший с раскрытым ртом, не веря в происходящее, пал

первой жертвой этого адского прилива. Не сбавляя шагу, искаженные демоны разорвали

его на куски с тилосердной скоростью,
кром

сая и визжа. Даже когда они продолжили
свой

бег, я видел, с подступающей к горлу
тошно

той, куски оторванных человеческих конеч-
ностей, запихиваемые или в клыкастые
зве

риные пасти.

С ужасным ревом той отец и остальные
деревенские развернулись, чтобы
встретить

этую злобную атаку. Посредине поляны,
сталъ

встретилась с когтем в кошмаре крови и
рез

ни. Люди Пастернака сражались с
пылающим

безумием страха в глазах той ночью, но
даже

так они ничего не могли
противопоставить

жестоким тварям и их абсолютному

числен-

ному превосходству.

Постепенно, безжалостно, жители деревни

были отброшены к северной стене жадной ордой перед ними. Любой упавший становил

ся жертвой мерзкой оргии поглощения, комо-

рая скорее подогревала аппетит тварей, не

жели удовлетворяла его.

Затем, в одну ужасную секунду, произошли сразу две ужасные вещи. Ольдермен, наивы

бранный вождь, был сорван со своего места на стене вторым кромсавшим роем чудовищ.

И, что бесконечно хуже, твой отец упал от ужасного удара. Его противник, перекручен

ный комок клыков, когтей и тышиц, взревел

от удовольствия и прыгнул вперед, сабы по-
лакомиться.

В том, что я сделал, не было храбрости,
ибо

без преодоленного страха не бываешь
настоя

щего тужества. Да, мне пришлось
нырнуть в

волни ужаса, поглотившего меня, чтобы
схва

тить камень и провизжать твари вызов,
это

так. Но страха-то не было, только что-
то вро

де праведного гнева на терзость предо-
тной.

Поворачиваясь, чтобы сразиться со мной,
тварь издала ужасающий лающий стонок.

Она возвышалась передо мной, так близко,
что я мог чувствовать ее вонь и видеть с-
кри

стальной четкостью капельку слюны,
сбегаю

щю по кривому желтому клыку. Но, даже
не

перед лицом его смеха и его силы, я поднял
свое

жалкое оружие и прыгнул в когти твари.
Мой удар не достиг цели, но и надобности
не было. В ту ужасную секунду, зная твою
силу

боясть и тою веру, боги услышали твою
ярост

ные молитвы и ударили за меня! Извергнув
нюю тверь предо мной с пронзительным
боем

разорвало на части в сияющей вспышке
света, более яркой, чем во время любой
бури. Битва

вокруг меня затихла, и люди, и чудовища
вместе с удивлением смотрели на порази-
тельную, сбивающую с толку сперты
моего

врага.

Затем появились ангелы.

Их было четверо, по одному с каждой сто-

роны частокола, и были они равнозначны

и ужасны. Они выглядели, как огромные
бронированные рыцари, и двигались, словно

тощь великанов была заключена в них. Их
огромные сияющие доспехи странного
вида, с завитками и орнаментами на них,
были вы

крашены в оттенки синего и зеленого. В
руках

их было странное оружие: зубастые течи,
изукрашенные железные палки, непонятные
пучки стальных трубок, неясно мерцающие
сво

странной злобой.

Один из них носил огромные перчатки,
большие, больше руки, сделанные из металла, ис-
кривившиеся и потрескивавшие от разрядов
молний. Он поднял пылающие голубые пер-
чатки над бронированной головой и сжал
стальные пальцы в кулак. Это был сигнал

к

началу.

В полной тишине и совершенно слаженно, три бронированные фигуры прыгнули в кричащую толпу демонов внизу. Резня началась, как только их огромные стальные сапоги коснулись земли.

Клыкастые течи визжали и вопили, как кошки при пожаре, вгрызаясь в плоть и кость.

Они метали капли крови и куски плоти высоко

ко в бездонную темноту ночи, и крики их жертв сливались с общим гулом.

Я почувствовал, что пошел странный теплый дождик и случайно слизынул каплю с губ.

Она имела соленый медный привкус свежей крови. Внезапно меня согнуло пополам в спазме, я начал блевать.

Сквозь слезы я видел ужасный голубой огонь стальных кулаков. Существование

владелец

шагало сквозь тени своих врагов с

заворажи

вающим изяществом, кружась в ужасном
тан

це стерти. Когда оно поворачивалось и
изги

балось, тяжелые пылающие руки хватали
го

ловы, конечности, тела. Тыщи и кости
раз

летались на куски от его божественного
при

косновения и оставались лишь ужасные вы-
тящиеся раны. Вонь горящего мяса распро-
странялась по деревне.

Сначала извращенная свора мерзких тва-
рей, роившихся под частоколом, дрогнула
пред яростью наших спасителей. Они
дошли, как животные на скотобойне,
испуганные и

сбитые с толку, пока гневный рывк не вывел
их

из ступора. Страшный крик подхватил

еще
одно создание, потом еще одно, пока он не
звучал уже из множества искривленных
гло-
ток. Он горел до режущего крещендо, ш-
вновь
демоны бросились в атаку с ужасающей
дико-
стью.
Но когда выродки ринулись на покрытых
кровью ангелов, резкий визг с небес
заглушил
их клич. Отчаянно закрыв руками уши, я
взглянул наверх и увидел четвертого
нашего
спасителя, все еще стоящего на
частоколе, еле
освещаемого терцающим светом
угасающего
платени. Пучок стальных трубок,
который он
держал, зиявал и сиял, темная пылающая
ко

пья огня в наступающие ряды противника.
Выжившие были подняты, разорваны на
кровавые ошметки и брошены на землю.
Первые были разрублены еще раз, их
остан
ки были втоптаны глубоко во влажную
почву.
Челюсти тварей были распахнуты в
диком вое
агонии, неслышном в ужасном шуме их
казни.
Но демоны еще сражались. Несмотря на
копья святого, волшебного огня, что
резали
их как новая коса режет спелые стебли, не
смотря на свежее мясо, валявшееся
кушати, несмотря ни на что, они
сражались с ангела
ми. Их жажда крови вела их к полноту уни
чожению. Когти и клыки трещали и
лома
лись об небесную броню. Божественное ору
жие жадно прорубалось сквозь терзкие шку

ры к кривым костям ног нити.

Заряженная

кровь разлеталась, воняя и дымясь, в холодном ночном воздухе. То была бойня.

Наконец, какое-то подобие осознания, должно было быть, пришло к последним выжившим членам своры, и чудовища попытались

убежать. Я наблюдал за паникой, за чистым

ужасом в их выкаченных желтых глазах с троичным удовлетворением, едва ли способный понять, свидетелем чего стал. Они про

неслись тело ангела с пылающими стальны

ми кулаками, оставив двоих из них умирать у

его ног, и прыгнули на частокол.

Но спасения от божественной ярости наших спасителей не было. Пылающие копья погнались за ними, настили их и разорвали на

кровавые куски. Шипящая кровь стекала
по расщепленным кольям частоколам
блестящим
ти струйками. Я уставился на
отвратительные
узоры, без единой мысли в голове, и
внезапно
представил себе, что вижу окровавленное
ли
что Гультара, молодого кузнеца,
уставившегося
на меня в ответ.
Меня начало трясти, я глотал воздух. В
то
их ушах все еще стоял звон от их
опустивших
телного оружия. Тогда я не мог ничего де-
лать, кроме как ползать, тяжело дыша, и
ры-
деть. Прошло много времени, прежде чем
я
понял, что битва закончилась.

Ангелы стояли среди огромных гор
трупов, толча и небвично, словно статуи
в мареве.

Даже тогда, покрытые кровью и воняющие
горелым мясом, они были прекрасны.

Долгую

секунду ты стояли вместе, ангел и
мальчик, посредине бойни. Затем, так же
безмолвно, как и появились, они скрылись
из виду.

Мне нравится думать, что я был
единствен

ным, кто увидел звезду, взлетевшую из
леса

той ночью. Это была лишь тихая, далекая
вспышка света, и я бы тоже ее не
заметил, если бы не оторвался от колодца
ровно в ту

секунду. Пока я нес воду, чтобы отмыть
раны

отца, я грезил о том, что был допущен к
ним

небесной колеснице. И даже сейчас я улыба
юсь про себя, когда какой-нибудь странстви

ющий түдрең или еще кто пытается
расска

зать, что такое звезды.

Это было почти сорок зим назад, но я все
еще помню. Когда волки пришли прошлой
зимой, память дала мне храбрости
выследить

и убить их в их же логове, а когда Мария
лежала

ла, крича от первых схваток, память
дала мне

силу нарушить запреты и принять сына.

Сейчас, когда голоса моего народа затиха-
ют, и все, что я слышу -- тиканье часов,
от

считывающих время до смерти, я
вспоминаю

события той ночи и не боюсь. Ибо знаю,
что в

темноте, которую я скоро должен
встретить, боги пришлют ангелов вновь
присмотреть за
мной.

И на сей раз они не скроются из виду.

• • •